

Перспективы мировой экономики

Какими они видятся в первом десятилетии XXI века

Николай Извеков,
вице-президент Внешнеполитической
Ассоциации

При характеристике проблем и вызовов, с которыми человечество сталкивается ныне, в первое десятилетие XXI столетия, необходимо в первую очередь попытаться ответить на вопрос: Куда и в каком именно направлении идет социально-экономическое развитие международного сообщества в настоящее время?

Часто употребляемое в последние годы понятие “глобализация”, однако, дает лишь сугубо приблизительный ответ на эту принципиальную постановку крайне актуальной темы. Суть проблемы состоит в том, что реально происходящие в современном мире процессы остаются пока по-настоящему не раскрытыми и не разъясненными.

При вдумчивом анализе того важного этапа развития человечества, который принято считать новой и новейшей историей, не трудно убедиться, что на самом деле процесс глобализации экономики, а точнее говоря её “интернационализации”, в различных формах происходил и продолжает происходить на нашей планете вот уже несколько столетий.

За его начальную точку отсчета оправданно было бы взять период “великих географических открытий” (XV–XVI вв.). Этот примечательный исторический этап также совпадает с началом формирования капиталистических общественных отношений в хозяйственной жизни человеческих

сообществ. С наибольшей интенсивностью процесс зарождения капитализма тогда стал происходить в странах Западной Европы, прежде всего в Средиземноморье.

Кстати, к истинно первоначальным росткам капитализма весьма популяризируемая ныне российскими либералами теория Макса Вебера о важной роли “протестантской этики” в становлении этой формации не имеет прямого отношения.

Историческая реальность такова, что первые банки и крупные торговые дома стали возникать не на протестантском Севере Европы, а в её южной части, в католической Италии и не менее католической Баварии. И создавались они не на “упор-

ном труде” и “сбережении средств”, а на быстром обороте капитала за счет торговли “колониальными товарами” и за счёт ростовщичества. Не в последнюю очередь быстрому накоплению богатства в Европе способствовало ограбление заморских территорий, прежде всего на вновь открытых землях Америки и Африки, широкое развитие пиратства и работорговли.

То, о чем поведал в своих трудах Вебер, скорее могло иметь место в реальности значительно позднее, уже в промышленную эпоху, когда некаатолическая Англия в начале XIX в. заявила о себе как наиболее продвинутая в индустриальном развитии страна.

В период первых этапов промышленной революции для создания крупных производств требовались большие вложения в основной капитал, то есть в здания и сооружения, и, особенно в энергетические установки и производственное оборудование. Это побуждало капиталистов-промышленников весьма бережно относиться к имеющимся у них средствам, поскольку это диктовалось интересами дела. Но так было в XIX в., когда были созданы и внедрены в практику многие из ныне существующих производственных технологий.

В данном контексте следует указать на связь между различными стадиями процесса глобализации (интернационализации) и появлением соответствующих экономических учений или доктрин, отражавших суть происходящих общественных изменений.

Со времени “великих географических открытий”, то есть примерно в течение 500 лет, человечество по-

следовательно прошло через три основные стадии или ступени развития капиталистической формации.

Таковыми были: период “первоначального накопления”, затем фаза мануфактурного производства и, наконец, эпоха промышленной революции.

Каждому из названных больших циклов сопутствовало свое основополагающее учение или школа экономической мысли. Это были, соответственно: *“меркантилизм”*, *учение “физиократов”*, *“трудовая теория” стоимости*.

Теория трудовой стоимости получила наиболее развернутое выражение в трудах Карла Маркса и его учеников и последователей.

В XX в. теория трудовой стоимости получила дальнейшее развитие в работах британского экономиста Джона Кейнса и американского профессора Торстена Веблена, хотя их формально не принято считать последователями марксизма.

В этом ряду можно назвать русского экономиста Николая Кондратьева.

Заслугой **Кейнса** принято считать разработку экономической концепции, практическое применение которой позволило развитым капиталистическим странам преодолеть “великий мировой экономический кризис” 1929–1933 гг.

О **Веблене** сейчас, возможно, знают в основном специалисты по истории экономических теорий. Однако именно в наши дни его теоретические разработки, предупреждавшие об опасности чрезмерного ускорения денежного оборота (монетарный фетишизм) в ущерб развитию материального производства, которые появились еще в начале XX в., приобретают особую актуальность¹.

Кондратьев признан во всем мире как автор концепции “длинных экономических циклов” (“длинных волн” – продолжительностью 50–60 лет).

Промышленная эпоха в развитых странах, если подойти к ней исходя из теории

“длинных волн” Николая Кондратьева, за период, который длился около 200 лет, то есть примерно с начала XIX в., пережила три больших цикла индустриального развития. В основе возникновения таких циклов лежало внедрение новых производственных технологий, основанных на использовании достижений фундаментальной науки (“век пара”, “век электричества и двигателей внутреннего сгорания”, “век атомной энергии и компьютеризации”).

В настоящее время мировое сообщество переживает завершение третьего цикла “великой промышленной эпохи”. К такому выводу подводит нынешнее положение дел в мировой экономике, прежде всего в экономически и технологически наиболее развитом Евро-Атлантическом большом регионе. Ситуацию здесь в целом можно было бы охарактеризовать как “состояние неустойчивого зстоя”, сопряженного с риском перехода в большой экономический спад. Поэтому всё острее ощущается объективная необходимость перехода на новый, более совершенный уровень экономического и социального развития².

Понятно, что модное ныне понятие “глобализация” не в состоянии дать адекватный ответ на то, что реально происходит сейчас в сфере мирового хозяйства. Дело в том, что в течение двух последних десятилетий XX в. главным фактором, способствующим ускорению процесса обращения денежных средств во всем мире, был стремительный прогресс в разработке и внедрении информационных технологий (“информационная революция”). Именно эта область, именуемая ныне “наукоемкой”, подвела, так сказать, технологический фундамент под процесс “глобализации” в мировой экономике.

Таким образом, реально “глобализация” ныне охватывает в первую очередь “верхние этажи” международной экономической системы, то есть “денежные потоки”, суммарный оборот которых в десятки раз превысил реальный товарооборот в международной торговле. В этом заключается отличие современной глобализации от более широкого понятия “интернационализация”, которое подразумевает сближение и углубление взаимодействия между национальными экономиками (системами развития производительных сил) на основе объективно обусловленного географического разделения труда.

Другая примечательная особенность процесса современной глобализации проявляется в значительном ускорении концентрации богатства в руках немногих олигархических групп. В наши дни хроника экономических новостей развитых стран чуть ли не ежедневно фиксирует появление новых сверхгигантских транснациональных корпораций – холдингов за счет слияния крупных фирм в основных областях экономики.

По данным официальной американской статистики за последние 15 лет XX в. (1986–1999 гг.) концентрация богатства в США в руках плутократической олигархии (1% населения страны) увеличилась в два раза, с 19 до 40%.

Такое развитие в мировой экономике подтверждает то, что концентрация капитала не только продолжается, но и обретает новое качество – формирование “олигополий” во главе с олигархами.

В таких условиях можно констатировать, что категория “частной собственности” на средства производства претерпевает метаморфозу, пре-

вращаясь в категорию “корпоративной собственности”.

Именно эта последняя и является ныне доминирующим фактором в экономике развитых стран Европы и Северной Америки. Попытки современных поборников экономического либерализма изобразить дело так, будто в наши дни главную роль в экономике развитых стран играет “малый и средний” бизнес, представляют собой всего лишь стремление выдать желаемое за действительное.

В реальных условиях современного капитализма вся многомиллионная масса средних, малых и мелких фирм и фирмочек в странах Запада вынуждена существовать и действовать в финансово-экономической орбите крупнейших корпораций и холдингов.

В определенной мере нынешнее положение малого и среднего бизнеса может быть сопоставлено с положением массы вассалов крупных магнатов в период феодализма в Европе. Подобная ситуация весьма удобна для магнатов-олигархов современного бизнеса. Она позволяет им перекладывать на своих экономических вассалов многие тяготы, деловые издержки и риски. Кстати, именно на эту социальную категорию, а не на крупные корпорации в западных странах приходится значительная часть налогового бремени. К этому надо добавить, что уровень банкротств в среде малого и среднего бизнеса весьма высок даже в периоды благоприятной экономической конъюнктуры. Во время экономических неурядиц масштабы таких банкротств могут приобретать обвально-катастрофический характер.

Примечательно, что одновременно с этим процессом в развитых странах Запада, прежде всего в США и Евросоюзе, с начала 80-х годов XX в. главенствующей стала экономическая теория, которую специалисты по истории экономических учений именуют по-разному – “монетаризмом”, “рыночным фундаментализмом” и т.д.

Однако наиболее удачным можно считать определение американского профессора Роберта Гилпина, который назвал это течение “неомеркантилизмом”. Следуя логике, его теоретических размышлений, евро-атлантический капитализм ныне движется по “замкнутой кривой”, возвращаясь к тому, с чего он когда-то начал свой путь в истории человечества.

Однако возникает вопрос, куда он пойдет теперь дальше? Неужели на самом деле реально наступает “конец истории”, как посчитал американский социолог Фрэнсис Фукуяма.

Однако не следует слишком пугаться подобных его умозаключений. Из рассуждений Фукуямы вытекает, что для него “конец истории” заключается в торжестве крупнейших корпораций (ТНК). Иными словами, наступление господства олигархических кланов, для которых тесны рамки всех ныне существующих государств, даже самых крупных. Но любой способный диалектически мыслить человек может увидеть, что за теоретическим “озарением” Фукуямы скрывается не “конец истории” как таковой, а всего лишь завершение очередной стадии или формации в поступательном развитии глобальной человеческой цивилизации. При такой трактовке сути

его суждений с ним можно было бы даже согласиться.

Есть еще один специфический момент в современном положении в мире, о котором нужно сказать особо.

Современные относительно благополучные общемировые показатели экономического роста определяются, в первую очередь, сильной динамикой развития в таких странах как Китай, Индия и некоторые другие государства Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). На фоне стремительного прогресса экономики в этом районе мира темпы экономического роста в Европе и Северной Америке, которые в 3–4 раза ниже, и в самом деле выглядят как стагнация.

В настоящее время признается, что такая тенденция имеет долгосрочный характер и означает фактический перенос центра мирового экономического развития из Евро-Атлантического в АТР. В связи с этим возникает пугающий нынешнюю правящую элиту США вопрос о неизбежном в обозримом будущем изменении в соотношении сил на международной арене.

Разумеется, Европа и Северная Америка всё ещё имеют более высокий уровень “капитализации экономики” и, соответственно, больший масштаб валового внутреннего продукта, а также могут опираться на более развитый научно-технический потенциал. Однако, страны АТР, особенно Китай, заметно обходят страны Запада в области развития производительных сил по выпуску продукции как общественного, так и массового индивидуального потребления. Товары китайского производства из-за сравнительно небольших производственных издержек в про-

мышленности обладают высокой конкурентоспособностью.

В последнее время это дает Пекину возможность теснить западные страны на их собственных внутренних рынках готовой промышленной продукции. Он также осуществляет массивную целевую программу по повышению своего научно-технического потенциала.

Отражением таких усилий является недавний выход КНР в космос, означающий её превращение в третью космическую державу после России и США.

Закономерно напрашивается также вопрос, в чем глубинная причина нынешней ситуации в мировой экономике и происходящих в ней сдвигов?

Как представляется, ответ на него прост и не содержит каких-то особых секретов. Вполне очевидно, что страны Запада, а вместе с ними и Россия, стали в последние годы заложниками своей догматической приверженности неомеркантилистской модели экономического развития. Именно свойственный ей упор на “монетарный фетишизм” и “рыночный фундаментализм” привел к тому положению дел, которое ныне существует в Европе и США. При этом, здесь переход от “кейнсианской модели” (США, Англия) и “социальной рыночной экономики” Эрхарда (Германия) к “экономическому неолиберализму” осуществляется все-таки способом постепенного демонтажа, шаг за шагом. Тем не менее, последние события во Франции говорят о том, что даже подобный демонтаж социального государства может вызвать серьезные социальные волнения.

В России же демонтаж социального общественного уклада был проведен самым радикальным

“шоковым” методом, в результате чего последствия были просто катастрофическими. Они сравнимы, а иногда и превышают материальный ущерб и людские потери нашей страны во время второй мировой войны.

Отмечая устойчиво быстрое развитие экономики Китая и ряда других стран АТР, зарубежные специалисты объясняют его широким привлечением иностранных инвестиций. Да, конечно, этот процесс имеет место быть. Но значение его не следует преувеличивать. Пекин действительно привлек американские и иные корпорации и их капиталы и технологии, но только для развития экспортных отраслей, размещенных в приморских провинциях страны. Этот фактор позволил Китаю в короткие сроки поставить на ноги ориентированный на экспорт сектор промышленности и начать широкое проникновение на рынки в других странах, особенно в США.

Относительно существа используемой китайцами модели ведения хозяйства можно было бы сказать, что в ней сочетаются преимущества государственного планирования и регулирования экономики с грамотным включением в нее рыночных механизмов (*концепция “сбалансированного экономического развития”*). При этом Китай постоянно подчеркивает социалистическую направленность своего хозяйственного и общественного развития.

Переживаемая в настоящее время очередная “переходная” фаза в развитии человечества совпадает по времени с обострением нескольких глобальных проблем. Наиболее существенными из них можно назвать следующие.

На первом месте, очевидно, следует назвать **усугубление проблемы ресурсов** в современном мире.

Речь идет в данном случае не только о важнейшем энергетическом сырье в виде основных разновидностей углеводородов. Разведанные запасы многих других видов минеральных ресурсов также близки к исчерпанию.

По имеющимся на начало XXI в. оценкам специалистов-геологов, таких совокупных ресурсных запасов в мире в целом осталось на 35–40 лет, исходя из нынешних масштабов их добычи.

Несомненно, подобная ситуация ставит в повестку дня для человечества необходимость начать переход от экстенсивного потребления ресурсов нашей планеты к более экономному их расходованию и, в конечном итоге, к их широкому воспроизводству.

В данном случае подразумевается не только массовое применение эффективных систем сбережения ресурсов. Речь идет о разработке и внедрении более продуктивных технологий получения новых источников энергии, которые могли бы стать возобновляемыми, а также переход к безотходному производству.

В последнем случае все виды нынешних отходов должны рассматриваться как вторичное сырье.

Безусловно, решение такой масштабной и перспективной задачи, как показывает опыт недавнего прошлого, потребует создания и реализации долгосрочных программ, основанных на взаимодействии заинтересованных стран, располагающих соответствующим научно-промышленным потенциалом.

На следующем по важности месте стоит **необходимость повышения эффективности науки и совершенствования образования.**

Вопреки рекламным репликам в СМИ многих стран об успехах в развитии наукоемких технологий многие ученые в последнее время указывают на реальное замедление научного прогресса за исключением таких сфер как информатика, биология и фармацевтика, которые остаются пока наиболее выгодными и привлекательными в коммерческом плане.

Однако такие перекосы в развитии науки не способны помочь человечеству в решении возникающих ныне перед ним проблем. Для этой цели необходимо комплексное ускорение прогресса в науке, в частности в тех её областях, которые могут потребоваться в поиске оптимальных подходов к актуальным задачам современности, в первую очередь в сфере энергетики. Спустя более 100 лет после известного высказывания великого химика Дмитрия Менделеева, человечество продолжает использовать нефть в качестве топлива.

Трудно, однако, ожидать, что реальный прогресс в современной науке мог бы быть достигнут без повышения качества образования. Парадокс нынешней ситуации состоит в том, что в последние годы во многих странах наблюдается снижение качества образования. Это, в принципе, отрицательное явление, которое порождает различные проблемы, в том числе такую, как “утечка мозгов” или их “перекачка” из одних стран в другие.

Не может не вызывать озабоченность **усугубление демографических проблем в современном мире.**

Дело не только в наличии больших “диспропорций” в демографических процессах в различных регионах. Так, с одной стороны имеет место стагнация или даже реальная убыль населения, с другой – наблюдается сохранение сравнительно высоких темпов его роста. Наиболее наглядно такая диспропорция проявляется в Европе.

Согласно международной демографической статистике из 36 стран континента в 19 ныне наблюдается нулевая либо отрицательная динамика естественного движения населения*. В числе стран с отрицательным ростом находятся такие крупные как Россия и Германия.

Основной вопрос сейчас состоит в том, как выработать подходы к гармонизации или оптимизации демографических процессов, как на уровне отдельных стран, так и в мире в целом. Сохранение такой явной дисгармонии в современном мире, в сочетании с нарастанием экономических и иных проблем, способно породить взрывоопасную обстановку в ряде регионов мира. Исторический опыт, в том числе недавнего прошлого, подсказывает, что подобные ситуации могут всерьёз и надолго нарушить нынешнюю поверхностную глобальную стабильность.

Примечания

¹ Veblen T. The theory of the leisure class. N. Y., 1959.

² Извеков Н.Н. XXI век – грядет ли конец великой промышленной эпохи? // Обозреватель–Observer. 2002. Март–апрель. № 3–4.

* Данный показатель определяется как разность между средним числом рождений и количеством смертей в расчете на каждую 1000 жителей страны.